

Глава 23

Вэнь Сюци словно язык проглотил — как ни бился, не мог подобрать хоть одного возражения.

Нечего было возразить. Каждое слово Юй Цичу било точно в цель, точно в самое больное.

С какой стороны ни взгляни, у Вэнь Сюци не было ни единого права вмешиваться — тем более когда сам Сюй Юйлянь не выказал и тени протеста.

Кто он вообще такой?

Неудачник, которого не выбрали. Жалкий проигравший, не способный уснуть до глубокой ночи от собственной неумной гордости.

Вэнь Сюци стоял на месте, не произнося ни слова. Широкие плечи поникли, точно у бойца, признавшего поражение.

Тень его распласталась по земле — искромсанная ветвями на рваные лоскуты, — и молча смотрела на человека, свернувшегося в объятиях Юй Цичу.

Через несколько секунд Вэнь Сюци отступил в сторону.

Кровавой сцены, которую он ожидал, так и не случилось. Бросив свои слова, словно пощёчину, Юй Цичу молча поднял Ляньляня на руки и унёс в палатку.

Провинившееся чудовище выставили на улицу — сторожить вход.

Ду Чжоу привалился к ближайшему дереву и столкнулся взглядом с Вэнь Сюци, застывшим неподалёку.

Он медленно провёл языком по острым клыкам. Жажда крови нарастала — ещё немного, и руки сами бы решили дело. Но в последний момент он отвернулся и с усилием задавил этот порыв.

Юй Цичу объяснил ему: люди относятся к вопросам жизни и смерти крайне серьёзно.

Если Вэнь Сюци погибнет прямо на съёмках — маленькая самка не просто перепугается. Она может навсегда запомнить этого человека.

Так что сейчас, по крайней мере, трогать его нельзя.

Прежний Ду Чжоу плевать хотел на людские правила. Теперь же он вникал даже в тонкости человеческой морали и психологии, разжёвывая каждое слово.

Ледяной горный ветер хлестнул по лагерю. Во всём лагере только Ду Чжоу и сидел снаружи, подставив лицо ночному холоду.

О том, чтобы вернуться и провести ночь рядом с маленькой самкой, нечего было и мечтать.

Чудовище до утра останется на улице — в наказание. Потому что сегодня он сделал ей неприятно.

Стоило ему тогда войти в палатку, как он сразу учуял это — чужой человеческий запах, въевшийся в кожу Сюй Юйляня от слишком близкого контакта.

Ду Чжоу беспокойно тёрся и лънул к нему, пока Сюй Юйлянь наконец не спросил, что происходит. Тогда он без тени смущения попросил перебить чужой запах.

Он выгреб весь свой скудный словарный запас, пытаясь объяснить, что это просто. Совсем просто.

Но стоило ему обнять своё мягкое, душистое сокровище — и тайные помыслы взяли верх. Инстинкт нашёптывал: обмани его, уговори на большее, на то, что положено в период жара.

И то, что начиналось с невинных объятий и поцелуев, переросло в нечто совершенно неуправляемое — как и днём.

Он нарочно сделал это, пока Юй Цичу не было рядом.

Чудовище ненавидило, когда кто-то смотрел на его самку жадными глазами. От таких взглядов хотелось одного — оторвать им головы. Но маленькая самка пугалась крови, и потому чудовище научилось терпеть.

Когда поцелуи стали глубже, Ду Чжоу начал хитрить. Он знал — его маленькая самка поддаётся ласке, а не грубой силе. И потому изобразил невыносимую муку, потянул за собой тонкую руку, прижал к себе.

Понизив голос до хриплого шёпота, он сказал ей: он умирает. Вот-вот умрёт.

Ни капли человеческого стыда в нём не было. Слова, которыми он описывал происходящее, были настолько грубыми и прямолинейными, что у Сюй Юйляня кончики ушей запылали.

А потом Ду Чжоу и правда едва не умер.

Его чудовищная плоть утонула в мягкости и нежности юноши, и каждая клетка тела онемела от желания — умереть прямо здесь, на нём, в нём.

О том, чтобы зайти дальше — к главному, к тому, что положено в разгар жара, — Ду Чжоу тоже думал.

Но для этого нужно настоящее гнездо. Тёплое, просторное, только для двоих — чтобы маленькая самка чувствовала себя в безопасности. Лишь тогда она сможет спокойно принять семя и понести детёныша.

Чудовище оказалось на редкость старомодным и семейным чудовищем.

Условия, в которых они находились, до такого гнезда явно не дотягивали.

— Ду Чжоу, — из палатки донёлся голос Юй Цичу. Короткий и безапелляционный приказ: — Принеси Ляньляню тёплой воды.

Чудовище оборвало свои фантазии о семейном счастье на двоих и безропотно отправилось прислуживать.

.....

— У тебя с Вэнь Сюци хорошие отношения?

— Ну... нормальные, наверное.

Тёплая палатка надёжно отсекала ночной холод.

Сюй Юйлянь, подтянув к себе бледные колени, сидел на матрасе Юй Цичу.

Одет он был всё так же, как вернулся — открытую кожу лишь наполовину прикрывала наброшенная куртка Ду Чжоу, испачканная чужими следами.

Куртку откинули в сторону. По обнажённой коже скользнуло горячее влажное полотенце — бережно, неторопливо.

Сюй Юйлянь рефлекторно сжал колени. Пальцы Юй Цичу, не успевшие отстраниться, оказались зажаты между сомкнутых бёдер.

Что-то неуловимо потемнело в глубине его глаз — лишь на долю секунды. Лёгкая тень усмешки тронула губы. Свободной рукой он обхватил тонкую щиколотку и мягко, но настойчиво надавил:

— Ляньлянь, внутри ещё не вытерто.

Юй Цичу был человеком дотошным.

Сюй Юйлянь чувствовал, как в тех местах, где чудовище обошёлся с ним особенно безжалостно, прикосновения становились всё осторожнее и медленнее. Поза, в которой приходилось замереть, затянулась настолько, что начала ныть поясница, — а Юй Цичу всё не заканчивал.

Сюй Юйлянь хотел что-то сказать, но, взглянув на склонённое лицо Юй Цичу, сосредоточенное и серьёзное, невольно прикусил язык.

В таком положении любые слова казались неуместными.

Юй Цичу уловил его скованность и вернулся к прерванному разговору:

— Впрочем, и так понятно, что вы не особо близки.

— С Вэнь Сюци непросто ладить, да?

Сюй Юйлянь прикусил губу, но покачал головой.

Он нарочно увёл тему в сторону, упомянув другого человека:

— Тебе не нравится Вэнь Сюци? Я думал, раз ты дружишь с его братом, то и с ним должен неплохо общаться.

Юй Цичу, похоже, даже удивился, что Ляньлянь и вправду так заблуждается. Выражение лица на миг вышло из-под контроля:

— Это всего лишь деловое сотрудничество. С чего бы нам иначе вообще пересекаться?

— Ляньлянь ведь и сам слышал днём — из-за Ду Чжоу наша сделка, считай, сорвалась.

— Знаешь, на каких условиях мы сотрудничали? — мужчина усмехнулся с лёгким безразличием. — Речь шла о рудной жиле, способной продлить жизнь чудовища.

Чудовища могут существовать практически вечно — при помощи внешних ресурсов. Но без подпитки от рудной жилы их срок ничем не отличается от человеческого: какая-нибудь сотня лет — и горстка праха.

Вместо того чтобы тоскливо наблюдать, как утекает бесконечная жизнь, Юй Цичу предпочёл бы остановить время в том мгновении, пока Сюй Юйлянь ещё существует в этом мире.

Любое время года. Даже ненавистное лето.

Лишь бы рядом с ним — и всё становится иным.

О подробностях сделки с Вэнь Сюци Юй Цичу умолчал, упомянув лишь то, что мог предложить Се Жуйцзэ.

Сюй Юйлянь уже слышал это от системы, но когда Юй Цичу произнёс всё вслух, собственным голосом, — его всё равно качнуло от неожиданности.

Юй Цичу не стал развивать тему дальше. Сказал лишь:

— Впрочем, это всё неважно. Ляньлянь, тебе нужно одно — держаться от Вэнь Сюци подальше. Если и дальше будешь верить каждому его слову, он тебя продаст, а ты и не заметишь.

Остывшее полотенце сменилось прохладной мазью с запахом мяты.

Белёсая масса таяла под теплом мужских пальцев, ложась на покрасневшую кожу между бёдер.

В момент прикосновения холод обжёг так, что маленькая бабочка невольно втянула воздух сквозь зубы. Слова стали рваными, сбивчивыми — и он не сразу заметил, как пальцы Юй Цичу неуловимо скользнули глубже.

— По... почему?

— Он на СМС симпатии поставил жалкую рекомендацию от своей захудалой студии, — отозвался Юй Цичу. — Скупердяй. Небось это вообще пустая бумажка. Обведёт тебя вокруг пальца, а сработает ли рекомендация — ещё бабушка надвое сказала.

— Ты что, правда поверил?

Конечно, Сюй Юйлянь поверил. Несколько секунд замешательства Юй Цичу хватило, чтобы прочесть ответ.

— Если тебе и правда нравится та студия... — Юй Цичу поднял на него глаза.

Пальцы, покрытые мазью, невесомо скользнули по нежной линии паха — и Ляньлянь тут же стиснул бёдра, непроизвольно, судорожно, вжимая чужую руку в горячую кожу. Ни единого слоя ткани между ними.

Встретив его ошеломлённый взгляд, Юй Цичу невозмутимо снял очки свободной рукой.

— Если тебе и правда нравится, Ляньлянь, — я могу просто выкупить у Вэнь Сюци всю студию целиком. Он тебе разве не сказал? Он и есть её хозяин.

Без очков открылись резкие, хищные надбровные дуги — лицо разом наполнилось агрессивной притягательностью. В тёмно-синих зрачках любовь струилась, как медленный звёздный поток.

— Ляньлянь.

— Ты ведь понимаешь — Ду Чжоу чудовище. И я тоже чудовище.

Пальцы с невесомой дерзостью отстранились. Юй Цичу замер в своей полуприсевшей позе у края постели и, склонив голову с почти молитвенной нежностью, коснулся губами колена Сюй Юйляня. Того пробрала дрожь с головы до ног; ресницы затрепетали.

Юй Цичу упёрся ладонями по обе стороны от него. Расстояние между ними сократилось до минимума — так близко, что стук сердец слышался отчётливо, как барабанная дробь.

— Если ты согласился помочь ему пережить период жара... не мог бы ты и меня пожалеть, Ляньлянь?

Больше всего Юй Цичу походил на людей одной-единственной чертой: он инстинктивно прятал то, что творилось у него на душе.

Он привык всё просчитывать на десять ходов вперёд, искать в каждой сделке максимальную выгоду, взвешивать каждый шаг.

И вот сейчас это расчётливое, холодное чудовище готово было поставить на кон всё, что имеет, — лишь бы выпросить у Сюй Юйляня крупицу сочувствия.

Пора признать.

С того вечера, когда сумерки легли густой, непроницаемой синевой, — он уже не мог совладать с собой. Чувство, которого не должно было быть, пустило корни.

— Знаешь, Ляньлянь... сердце чудовища теперь бьётся только ради тебя.

За всю свою долгую жизнь чудовище обретает лишь одну самку. Его сердце бьётся только для неё — и это единственная слабость, которую чудовище не способно скрыть. Стоит самке уйти или погибнуть — и он обратится в пепел.

«Знаешь, Ляньлянь...

Как же я хочу, чтобы ты стала моей уязвимостью».

.....

Наутро над горной деревушкой зарядил дождь.

Не то чтобы сильный, но дорога обратно грозила стать серьёзным испытанием. Гости продрали глаза под монотонную дробь капель по натянутому тенту, глянули сквозь прозрачный пластик — земля вокруг раскисла в сплошное месиво.

План сбора грибов отменился. Съёмочная группа, вооружившись зонтами и дождевиками, принялась сворачивать оборудование — пора спускаться.

Никто не мог поручиться, что ливень не усилится. Если промедлить, горную тропу размочит до состояния болота.

Сюй Юйлянь стоял в сторонке под маленьким зонтиком, в чужих резиновых шлёпанцах, налегке — и наблюдал, как остальные вытаскивают из палаток тюки и сумки.

Для него это был последний день в роли приглашённого гостя.

Формально поездка значилась как «два дня — одна ночь», по факту же — полтора дня от силы. По первоначальному плану после ужина ему полагалось вернуться на позицию оператора.

Дождь спутал все карты: часть запланированных активностей вычеркнули, и Сюй Юйлянь даже почувствовал облегчение.

Спуск оказался скверным.

Большую часть пути Сюй Юйлянь буквально висел на Юй Цичу, который практически нёс его на себе.

Основную поклажу свалили на Ду Чжоу. Как выразился Юй Цичу: чудовищу только в радость,

нечего его жалеть — целыми днями торчит в горах, силища девать некуда, пусть хоть так выпустит пар.

Дождь и впрямь усилился.

Капли грохотали по зонту, как горох. Сквозь побелевшую от воды завесу Сюй Юйлянь, кажется, различил впереди Вэнь Сюци — тот обернулся и смотрел на него.

<http://bllate.org/book/16122/1585986>